

УДК 808.2-56

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-75-1-33-39

СИНТАКСИС, ЛЕКСИКА, ФРАЗЕОЛОГИЯ: АСПЕКТЫ КОРРЕЛЯЦИИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

© Светлана Сафонова, Ольга Чупрякова, Динара Рахимова

SYNTAX, VOCABULARY, PHRASEOLOGY: ASPECTS OF CORRELATION AND INTERACTION

Svetlana Safonova, Ol'ga Chupryakova, Dinara Rakhimova

This article raises the issues of using an integrative approach with respect to the study of language units, the problems of interaction of syntax, vocabulary and phraseology, and their interpenetration and contact within the framework of the semantic structure of the language as a functioning system. We also consider syntactic units that are in the zone of abstract meanings that ensure the integrity and vital activity of the language. The diachronic aspect of the coverage of the questions posed contributed to the identification of two processes – grammaticalization and lexicalization, which stimulate mutual transitions and borderline positions between principal and auxiliary parts, predicative and nominative parts, mono and polysemantic parts, as well as stable and instable parts in the sentence. The syntactic phraseomodels, analyzed in the article, are frequent in the sphere of hypotaxis when expressing adversarial-concessional, temporal and causal relations. It is especially important that the language has the integrativity of abstract vocabulary and relational semantics, designed to cement and structure speech activity. The syntactic phraseomodels under consideration complicate relational semantics with modal or expressive meanings. The modal component is usually realized through the vocabulary of anthropocentric content, covering the entire spectrum of human speech-psychomental activity, it is represented by separate semantic fields and lexical-semantic groups. Within the framework of expressive contexts, as essential elements are the lexical content of pretexts and the presence of emotive components in their composition. In these phrases, one can see a cause-and-effect relationship between two propositions, the real and potential ones in the subordinate part, although such models often move into the sphere of intensity semantics and the zone of emotiveness. The syntactic phraseomodels under consideration and those of them that have acquired a stable appearance are prone to parceling, budding from the base part and functioning more autonomously in the text. Thus, semantic-syntactic relations interact with abstract vocabulary and have a certain range of emotional-evaluative and modal meanings.

Keywords: syntactic and lexical meanings, syntactic phraseomodel, relational semantics, modal sense, expressiveness, hypotaxis, integrativity

В статье поднимаются вопросы выдвижения интегративного подхода к изучению языковых единиц, проблемы взаимодействия синтаксиса, лексики и фразеологии, их взаимопроникновения и контактирования в рамках смыслового строя языка как функционирующей системы, а также рассматриваются синтаксические единицы, находящиеся в зоне отвлеченных смыслов, которые обеспечивают целостность и жизнедеятельность языка. Диахронический аспект освещения поставленных вопросов способствовал выявлению двух процессов – грамматикализации и лексикализации, стимулирующих взаимопереходы и пограничные положения между «знаменательностью» / «служебностью», предикативностью / номинативностью, моно- / полисемантичностью, стабильностью / нестабильностью. Анализируемые фразеомодели, которые формируются на базе конкретных лексем, выпадающих из парадигмы и составляющих каркас предложения, предусматривающий свободное лексическое наполнение или его некоторое ограничение, частотны в сфере гипотаксиса при выражении противительно-уступительных, темпоральных и каузальных отношений. Существенным представляется то, что в языке имеет место интегративность отвлеченной лексики и реляционной семантики, призванной цементировать и структурировать речевую деятельность. Рассматриваемые синтаксические фразеомодели осложняют реляционную семантику модусными или экспрессивными смыслами. Модусный компонент обычно реализуется за счет лексики антропоцентрического содержания, охватывающей весь спектр речепсихомыслительной деятельности человека и представленной отдельными семантическими полями и лексико-семантическими группами. В рамках экспрессивных контекстов существенно лексическое наполнение предтекстов, наличие в их составе эмотивных ком-

понентов. В данных фразеомоделях может усматриваться причинно-следственная связь двух пропозиций – реальной и потенциальной в придаточной части, хотя нередко подобные модели переходят в сферу семантики интенсивности и зону эмотивности. Рассматриваемые синтаксические фразеомодели и те из них, которые приобрели устойчивый облик, склонны к парцеллированию и более автономному функционированию в тексте. Таким образом, семантико-синтаксические отношения взаимодействуют с абстрактной лексикой и имеют определенный спектр эмоционально-оценочных и модальных смыслов.

Ключевые слова: синтаксическое и лексическое значения, синтаксическая фразеомодель, реляционная семантика, модусный смысл, экспрессивность, гипотаксис, интегративность

Для цитирования: Сафонова С., Чупрякова О., Рахимова Д. Синтаксис, лексика, фразеология: аспекты корреляции и взаимодействия // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 1 (75). С. 33–39. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-75-1-33-39

Проблемы грамматической лексикологии, намеченные еще в трудах М. В. Ломоносова, Н. Греча, К. С. Аксакова применительно к дефектным парадигмам слов, активизировались в 60-70-е годы XX столетия в связи с приоритетностью семантических аспектов лингвистических исследований, а также выдвиганием интегративного подхода к изучению языковых единиц.

В связи с этим весьма актуально и значимо рассмотрение синтаксических единиц, находящихся в зоне отвлеченных смыслов, которые обеспечивают целостность и жизнедеятельность языка. При этом реляционные значения в большей или меньшей степени взаимодействуют с лексическими и фразеологическими или даже мотивируются ими, о чем свидетельствуют мысли об ассоциативном агрегате речи (В. А. Богородицкий, Н. В. Крушевский), о взаимосвязях словаря и грамматики (Л. В. Щерба, В. В. Виноградов, Ю. Д. Апресян, Ю. С. Степанов и др.), а также данные о свойствах «внутреннего лексикона» (Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова).

Проблемы взаимодействия синтаксиса, лексики и фразеологии, их взаимопроникновения и контактирования в рамках смыслового строя языка как функционирующей системы, акцентированные в работах В. А. Бепешапковой, Н. Ю. Шведовой, Г. А. Золотовой, Н. А. Андромоновой [1, с. 8–11], Н. Ф. Алефиренко [2], относятся к числу первоочередных, заслуживающих углубленных разысканий и обобщающих суждений.

Выделим некоторые направления решения этой проблемы, имея в виду, прежде всего, сферу гипотаксиса – сложноподчиненного предложения.

Диахронический аспект освещения поставленного вопроса способствовал выявлению двух процессов – грамматикализации и лексикализации, стимулирующих взаимопереходы и пограничные положения между «знаменательностью / служебностью», предикативностью / номинативностью, моно- / полисемантической, стабильностью / нестабильностью.

Процессы грамматикализации лексики, в частности связанные с большей или меньшей утратой словом его полнозначности и получением статуса «строевой лексики», были замечены Л. В. Щербой, который считал, что «...роль строевых элементов может, в сущности, играть любая часть речи. Особенно склонен к этому глагол...» [3, с. 329]. Синтаксические модели, структурированные на основе «строевых» лексем, соотношенных с подчинительными союзами, в разных аспектах были охарактеризованы А. М. Пешковским [4, с. 416–417], В. В. Виноградовым [5, с. 230], Л. И. Ройзензоном [6], З. Р. Аглеевой [7] и др. Следует подчеркнуть тот факт, что в числе первых исследований синтаксических фразеомоделей были и работы синтаксистов Казанского университета [8].

Подобные фразеомодели достаточно частотны в сфере гипотаксиса, особенно при выражении противительно-уступительных, темпоральных и каузальных отношений. Данные идиоматические конструкции формируются на базе конкретных лексем, выпадающих из парадигмы и составляющих каркас предложения, предусматривающий свободное лексическое наполнение или его некоторое ограничение. В качестве этих лексем выступают глагольные формы типа: *не успел – как, не прошло – как, не проходило – чтобы, стоит – как* и др.; предикативы с модальным значением: *надо – чтобы, необходимо – чтобы, достаточно – чтобы* и др.; наречно-партикулярные: *еще не – как, уже – как, едва – как, только – как* и др.: *Не прошло и месяца совместного житья, как флейта начала чахнуть и плакаться на судьбу* (А. П. Чехов); *Не успела на его глазах совершиться одна тайна смерти, оставшаяся неразгаданной, как возникла другая, столь же неразгаданная, вызывавшая к любви и жизни* (Л. Н. Толстой); *О, у нас всегда достаточно сил, чтобы перенести несчастье ближнего* (Д. Гранин); *Одного взгляда на несчастного принца было достаточно, чтобы понять – он не способен править государст-*

вом, дикий несчастный человек (Н. Соротокина); Но едва он поднялся на пригорок и далеко впереди себя увидел белый платок, как прежние сумятица и неразбериха поднялись в его душе (Ф. Абрамов) [9].

Как видно из примеров, синтаксические фразеомодели осложняют реляционную семантику модусными или экспрессивными смыслами: «в системе модусно-ориентированных синтаксических единиц выделяется класс фразеомоделей, нацеленных на модально-оценочный план» [10, с. 95].

Процессы лексикализации выводят в область слияния словосочетаний, а также в случае отрыва придаточных частей способствуют их переосмыслению и пониманию как номинативных единиц местоименного профиля: *кого хочешь, как хочешь, кого угодно, куда глаза глядят* и т. п., с одной стороны, и модусных высказываний устойчивого характера, нередко пополняющих фонд вводных компонентов, с другой: *если не ошибаюсь, вам не трудно; чтоб ты лопнул, пропал, издох, провалился; чтобы не ошибиться, не сказать более (хуже)* и др.

Значимость лексического наполнения в системе гипотаксиса определяется либо поддержкой типового значения модели, либо переориентацией его в сторону других значений. Так, пространственная семантика базируется не только на формальных показателях связи *там – где, туда – куда* и т. п., но и на лексических с локальным значением: *Где, бывало, леса вековые На огромных пространствах шумят, Там теперь пустыри бесконечные пеленою могильной лежат* (Н. А. Некрасов) [9]. Изменение лексического состава – включение абстрактных имен – при сохранении исходной структуры способствует появлению значения обусловленности и черт фразеологичности: *Где кончается любовь, там начинается ненависть* (Л. Н. Толстой) [Там же].

Особенно существенным представляется то, что в языке имеет место интегративность отвлеченной лексики и реляционной семантики, призванной цементировать и структурировать речевую деятельность. Это совпадающие абстрактные значения, имеющие, как правило, доминантный и универсальный характер. Наблюдается их стабильность и исчислимость при наличии функциональных вариаций и модификаций. Имена *причина, цель, следствие, условие, уступка, время, сравнение* и др. номинируют эти значения и предполагают их реализацию за счет синтаксических маркеров – семантических союзов и их аналогов. Так, значения причины и следствия передаются комплексно: лексически и грамматически: *Стало быть, причины все эти – миллиарды*

причин – совпали для того, чтобы произвести то, что было. И, следовательно, ничто не было исключительной причиной события, а событие должно было совершиться только потому, что оно должно было совершиться (Л. Н. Толстой) [Там же].

Семантика сложноподчиненных предложений в той или иной степени коррелирует с семантикой глаголов-сказуемых (предикатов) в главной и придаточной частях, которые могут взаимодействовать между собой, подчиняясь правилам «сложения смыслов». При этом содержательная неоднородность отдельных видов соответствующих предложений предполагает неодинаковость их лексического наполнения. Наряду с этим имеет место широта и свобода их лексического состава, что обычно компенсируется большей связью со значением глагольных категорий темпоральности, аспектualityности, модальности и др.

Так, придаточные причины могут находиться при глаголах разных ЛСГ в главных частях, но некоторые классы глаголов в большей степени предопределяют их появление. Это эмотивные глаголы со значением эмоционального состояния, переживания: *...светало, но я боялся совсем открыть глаза, потому что все сильно болело – голова, грудь, руки и особенно правая нога* (В. Чивилихин) [Там же].

Если при соответствующих глаголах выступают придаточные других видов, прежде всего времени, то наблюдается их осложнение каузальным оттенком значения: *Совсем уже огорчаешься, когда узнаешь, что в Петровском родилась мать Тургенева...* (В. Песков) [Там же].

Интересен и тот факт, что придаточные причины нередко семантически предопределяются адverbiallyными глагольными определителями или распространителями: *Разложив вещи в каюте, Владимир Мельников вышел на палубу, улыбаясь, прислонился плечом к лестничной стойке и счастливо вздохнул оттого, что самое трудное, волнующее было позади...* (В. Липатов) [Там же]. Аргументивные ситуации стимулируются и семантикой негативности, нуждающейся в объяснении и обосновании: *Не берусь перечислять хивинские памятники, потому что весь город – памятник* (В. Песков) [Там же].

Семантика следствия также может поддерживаться не только синтаксическими средствами – связующими формантами и постпозицией, но и лексически, прежде всего глаголами: *заключать, означать, делать вывод, привести к..., следовать, свидетельствовать, указывать, доказывать, говорить* и некоторых других: *При каждом спуске с горы Аркадий Павлович держал краткую, но сильную речь кучеру, из чего я мог заклю-*

чить, что мой знакомый – порядочный трус (И. С. Тургенев) [Там же].

Современное расширение семантических исследований сложноподчиненных предложений по оппозиции «субъективное, модусное / объективное, диктумное» позволяет рассматривать их с точки зрения объективной константы и субъективной переменной, модуса как мыслительной операции субъекта по поводу диктумного события [11, с. 47]. Модусный компонент обычно реализуется за счет лексики антропоцентрического содержания, охватывающей весь спектр речепсихологической деятельности человека и представленной отдельными семантическими полями и лексико-семантическими группами. При этом употребление этих ЛСГ может регламентироваться соотношенностью контактных слов в главной части с характером союза в придаточной. Так, союз *чтобы* в изъяснительных структурах предполагает наличие лексики со значением волеизъявления и желания (*хотеть, стремиться, просить, советовать, требовать, умолять* и др.).

Модусно-прагматические компоненты значения так или иначе проявляются и в системе предложений с семантикой обусловленности. Как известно, уступительная связь включает смысл «вопреки ожиданиям» (неожиданность, удивительность, странность, парадоксальность), который эксплицитно представлен в конструкциях усиительно-уступительного типа: *Как ни странно, умный медведь иногда, озадаченный, уходит от «мертвеца»* (Комсомольская правда, 03.12.2004); *Хоть сюжетом ему отпущено маловато решительных действий, как ни странно, гораздо больше в этом преуспела Варя, но тонкий ум и обаяние просто светятся* (Комсомольская правда, 18-25.02.05) [9].

Семантика удивительности, странности, непонятности, являясь одной из востребованных в публицистическом дискурсе, находит свое воплощение и в структурах с противительно-уступительным значением: *Удивительно, но и питону нравится это внимание – поднялся по лестнице, чтобы его обласкали* (В. Песков) [Там же]. Семантика удивления нередко наблюдается в составе модусного компонента изъяснительных и относительно-распространительных предложений: *Странно, что я заметил этот портрет только в ту минуту, как сказал, что беру квартиру! – подумал Лугин – Моим предшественникам, видно, не суждено было в нее перебраться, что, конечно, странно!* (М. Ю. Лермонтов) [Там же].

Заметим, кстати, что данная семантика реализуется не только в составе модусно-денотативных структур, но частотна и в системе предложений, где передается не оценка или от-

ношение, а эмоциональное состояние: *Не то чтобы страшно сделать, а удивительно: такой слабости никогда не было* (В. Шукшин) [Там же].

В частности, в публицистических текстах прогрессирует выход этой семантики в отдельную единицу текста, нередко совмещающую эмоционально-оценочные и модальные смыслы. Их появление мотивируется значениями неожиданности, внезапности, непонятности, парадоксальности, тайны: *У нас с Настей сходятся желания, предпочтения, мысли! Мы оба любим свечи... Я люблю запах ванили. Оказалось, Настя тоже! Это просто удивительно* (Комсомольская правда, 04.02.05); *Надо, мол, посчитать, сколько и каких специалистов требуется отечественному хозяйству, столько их выпускать и оставить для этого соответствующее количество вузов. Странная позиция* (Литературная газета, №4, 2005) [Там же].

Актуализация и переактуализация модусных значений представлена и во фразеологизированных структурах, построенных по устойчивым моделям с включением подчинительного союза, нередко приобретающего статус союза-частицы, в частности союза *хотя* (*хоть*) – *хоть плачь, хоть волком вой, хоть убей* и др., которые также наделены субъективными смыслами интенсивности, преувеличения, гиперболичности и модальности.

Императивный компонент данной модели переключается с семантики побуждения на семантику вынужденности в рамках деонтического значения. Уступительный компонент *хоть* отходит от семантики желательности (*хоть глоток воды, хоть крупицу надежды*), усиливая значение вынужденности: возникают «...крайние гиперболические условия, препятствующие наличному действию или состоянию, но не могущие отменить эти действия, состояния» [12, с. 120].

Лексическое значение побудительной транспонированной формы не столь существенно, но все же оно влияет на характер убедительности высказывания и степень его интенсивности; наибольшая иллюкутивная сила связывается с апелляцией к гибели, смерти, меньшей – к потере какой-то части тела, органа: *хоть умирай, хоть застрелись, хоть лопни, тресни, разорвись, хоть глаз выколи, отсохни язык* и т. п. В рамках экспрессивных контекстов, содержательно связанных с предельными состояниями или вынужденными крайними ситуациями, существенно лексическое наполнение предтекстов, наличие в их составе эмотивных компонентов, стимулирующих подключение *хоть*-выражений: *Зарулили на посадку. Я весь мокрый. Хоть выжимай рубашку. Доложили Ельцину о том, что произвели по-*

садку (Комсомольская правда, январь 2003 г.). В «Комсомольской правде» работать одно удовольствие. Но как приходит пора подводить итоги конкурса «Ягодная поляна» – прямо хоть увольняйся. Сразу все начинают советы давать (Комсомольская правда, январь 2003 г.) [9]. Рассматриваемые структуры, как следует из примеров, служат целям описательной передачи эмоций, что характерно для русского языкового сознания.

Эти модели, являясь информативно-недостаточными, реализуются в ряде типовых контекстов и структур. Приоритетным является их вхождение в состав сложноподчиненных предложений, построенных по схеме *так (такой) – что хоть*, в которых достаточно частотна элиминация союза, особенно в диалогической речи: *А ночь месячная – хоть деньги считай!* (И. А. Бунин) [Там же]. Реже можно наблюдать подключение частиц *только, просто, прямо*: *Соня, дура, клонула сразу. Влюбилась так, что только оттаскивай* (Т. Толстая) [Там же].

В данных фразеомоделях может усматриваться причинно-следственная связь двух пропозиций – реальной и потенциальной в придаточной части, хотя нередко подобные модели переходят в сферу семантики интенсивности (преувеличения, гиперболичности) и зону эмотивности, а также использование модели *хоть + императив* в сложноподчиненных предложениях с условно-причинной придаточной частью, но уже в составе главной: *Если хочешь заниматься в нашей стране политикой, не имея чувства юмора, через неделю – хоть в гроб ложись* (Известия, 02.11.2003) [Там же]. Как отмечает А. В. Величко, «предложения фразеологизированной структуры соотносятся с интеллектуально-эмоциональной сферой человека, и исследование их с этой точки зрения раскрывает целый мир человеческой личности» [13, с. 5].

Рассматриваемые синтаксические фразеомодели и те из них, которые приобрели устойчивый облик, склонны к парцеллированию, «отпочкованию» от базовой части и более автономному функционированию в тексте: *Видимо, есть что-то ущербное в моих стихах – ни здесь они не нужны, ни там. Хоть зарежься* (И. Губерман) [9].

В целом, можно констатировать, что в русском языковом сознании (а это находит отражение и в языке СМИ) значение удивительности, странности, парадоксальности перемещается в сферу каузальных отношений, ибо нередко нормативное, привычное становится удивительным, непонятным, так как оно находит реализацию не благодаря, а вопреки чему-либо: *Удивительно, но*

факт: в нашей стране большая часть добрых дел совершается не благодаря, а вопреки властным структурам (Литературная газета, №4, 2005); *Сегодня имена еще остались, а наука где? – Как ни странно – жива* (АиФ, 10.12.97); *В минувшее воскресенье в семи регионах России народ занимался голосованием, и что удивительно – выборы состоялись* (Комсомольская правда, 09.12.97) [Там же]. «Фразеологизированные предложения национально специфичны, и анализ их позволяет понять определенные национальные черты характера, особенности мышления, быта, культуры русских как носителей данного языка» [13, с. 6].

Следовательно, лексическое наполнение, с одной стороны, предопределяет содержательную структуру предложений и находится в отношениях семантического согласования или совместимости с реляционными смыслами, а с другой – способствует сдвигам в исходной модели, ее модификациям и вариациям функционально-стилистического характера, что свидетельствует о подчиненности грамматики коммуникативным задачам. Семантико-синтаксические отношения, во-первых, взаимодействуют с абстрактной лексикой, называющей эти отношения, а во-вторых, имеют определенный спектр эмоционально-оценочных и модальных значений, коррелирующих с ними. Оказиональные лексические выражения обычно стимулируют появление дополнительных смыслов и усиливают прагматический эффект высказывания, между тем как стационарные лексемы способствуют фразеологизации синтаксических единиц в системе гипотаксиса.

Список источников

1. Андромонова Н. А. Экспрессивные синтаксические конструкции (на материале произведений М. Е. Салтыкова-Щедрина) // Русская и сопоставительная филология: Системно-функциональный аспект. Казань: Казан. гос. ун-т, 2003. С. 6–11.
2. Алефиренко Н. Ф. Когнитивно-прагматические истоки фраземосемиозиса. М.: Изд-во «ФЛИНТА», 2018. 190 с.
3. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. 427 с.
4. Пешиковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Яз. славян. культуры, 2001. 501 с.
5. Виноградов В. В. Основные принципы русского синтаксиса в «Грамматике русского языка» АН СССР // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. С. 221–230.
6. Ройзензон Л. И. Лекции по общей и русской фразеологии: Учеб. пособие. Самарканд: [б. и.], 1973. 223 с.
7. Аглеева З. Р. Фразеологизация сложноподчиненных предложений разноструктурных языков как

когнитивно-синтаксическая проблема: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: Белгород, 2012. 48 с.

8. Синтаксис сложного предложения. Устойчивые структуры русского языка. Казань: Казан. гос. ун-т, 1985. 136 с.

9. Национальный корпус русского языка . URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 01.02.2024).

10. Сафонова С. С., Чупрякова О. А., Замалютдинова Э. Р. Фразеомодели, выражающие модальность, в эпистолярной прозе А. П. Чехова // Филология и культура. Philology and Culture, 2019. № 1 (55). С. 94–98.

11. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностр. лит., 1955. 416 с.

12. Крючков С. Е. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. М.: Просвещение, 1977. 191 с.

13. Величко А. В. Предложения фразеологизированной структуры в русском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: Нижний Новгород, 2017. 41 с.

References

1. Andramonova, N. A. (2003). *Ekspressivnye sintaksicheskie konstruksii (na materiale proizvedenii M. E. Saltykova-Shchedrina)* [Expressive Syntactic Constructions (Based on the Works of M. E. Saltykov-Shchedrin)]. *Russkaya i sopostavitel'naya filologiya: Sistemno-funktsional'nyi aspekt*. Pp. 6–11. Kazan, Kazan. gos. un-t. (In Russian)

2. Alefirenko, N. F. (2018). *Kognitivno-pragmaticheskie istoki frazemozemiozisa* [Cognitive-Pragmatic Origins of Phrase-Semiosis]. 190 p. Moscow, izd-vo "FLINTA". (In Russian)

3. Shcherba, L. V. (1974). *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language System and Speech Activity]. 427 p. Leningrad, Nauka. Leningr. otd-nie. (In Russian)

4. Peshkovskii, A. M. (2001). *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian Syntax in Scientific Coverage]. 501 p. Moscow, Yaz. slavyan. kul'tury. (In Russian)

5. Vinogradov, V. V. (1975). *Osnovnye printsipy russkogo sintaksisa v "Grammatike russkogo yazyka" AN*

SSSR [Basic Principles of Russian Syntax in the "Grammar of the Russian Language" USSR Academy of Sciences]. *Izbrannye trudy. Issledovaniya po russkoi grammatike*. Pp. 221–230. Moscow, Nauka. (In Russian)

6. Roizenzon, L. I. (1973). *Lektsii po obshchei i russkoi frazeologii: Ucheb. posobie* [Lectures on General and Russian Phraseology: A Textbook]. 223 p. Samarkand. (In Russian)

7. Agleeva, Z. R. (2012). *Frazeologizatsiya slozhnopodchinennykh predlozhenii raznostrukturykh yazykov kak kognitivno-sintaksicheskaya problema: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Phraseologization of Complex Sentences of Differently Structured Languages as a Cognitive-Syntactic Problem: Doctoral Thesis Abstract]. Belgorod, 48 p. (In Russian)

8. *Sintaksis slozhnogo predlozheniya. Ustoichivye struktury russkogo yazyka* (1985) [Syntax of a Complex Sentence. Stable Structures of the Russian Language]. 136 p. Kazan, Kazan. gos. un-t. (In Russian)

9. *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [National Corpus of the Russian Language]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (accessed: 01.02.2024). (In Russian)

10. Safonova, S. S., Chupryakova, O. A., Zamalyutdinova, E. R. (2019). *Frazeomodeli, vyrazhaiushchie modal'nost', v epistolyarnoi proze A. P. Chekhova* [Phraseomodels Expressing Modality in A. P. Chekhov's Epistolary Prose]. *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*, No. 1 (55), pp. 94–98. Kazan. (In Russian)

11. Balli, Sh. (1955). *Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka* [General Linguistics and French Language Issues]. 416 p. Moscow, izd-vo inostr. lit. (In Russian)

12. Kriuchkov, S. E. (1977). *Sovremennyi russkii yazyk. Sintaksis slozhnogo predlozheniya* [Modern Russian Language. Complex Sentence Syntax]. 191 p. Moscow, Prosveshchen. (In Russian)

13. Velichko, A. V. (2017). *Predlozheniya frazeologizirovannoi struktury v russkom yazyke: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Sentences of Phraseologized Structure in the Russian Language: Doctoral Thesis Abstract]. Nizhnii Novgorod, 41 p. (In Russian)

The article was submitted on 26.02.2024

Поступила в редакцию 26.02.2024

Сафонова Светлана Сергеевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
prepodss@mail.ru

Safonova Svetlana Sergeevna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
prepodss@mail.ru

Чупрякова Ольга Анатольевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
bezdna2008@rambler.ru

Рахимова Динара Ирековна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
dinara_dela@mail.ru

Chupryakova Ol'ga Anatol'evna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
bezdna2008@rambler.ru

Rakhimova Dinara Irekovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
dinara_dela@mail.ru